

Кирилл
АЗАНЦЕВ

ОБОРОТНИ В ЗАКОНЕ

Кирилл Казанцев

Проверка на преданность

Серия «Суперкоп», книга 2

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4442018

Казанцев К. Проверка на преданность: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-59833-5

Аннотация

Лейтенант полиции Антон Копаев работает в Управлении собственной безопасности и действует под прикрытием. Никто не знает, что он действующий офицер полиции. Живет Антон на конспиративной квартире, адрес которой знает только его непосредственный начальник. И вот Антон получает задание: войти в доверие к аферисту-бизнесмену Андрею Краюхину, через фирмы которого «отмываются» огромные суммы, и с его помощью внедриться в криминальную среду Екатеринбурга. В начале этой операции Антон даже не подозревал, какие силы стоят за Краюхиным и чьи деньги «отмываются» в его структуре...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	31
Глава 3	59
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Кирилл Казанцев

Проверка на преданность

Глава 1

Дмитрий Хрулев, немного грузный для своих сорока семи лет, привычно мерил шагами кухню. Это его манера разговаривать по телефону, он обязательно должен ходить, так ему легче было сосредоточиться.

– Ты учти, – с напором говорил Хрулев в трубку, – что во все времена все решали и решают деньги. Думаешь, я зря столько лет кормлю этих спиногрызов. Они от меня деньги уже как законную зарплату ждут.

– Может, не стоит так обострять? – возражал голос абонента. – Это ведь система, и ты в ней винтик. Она складывалась не один день...

– Вот я и хочу показать, что я не винтик, – недобро ухмыльнулся Хрулев. – Пришла пора диктовать свои условия, иначе система даст сбой. Я знаю, что ты мне скажешь. Спокойно! Пока у меня кореша работают в Управлении по борьбе с экономическими преступлениями, которые, кстати, тоже неплохо имеют...

– Не знаю, Дима, – нерешительно произнес голос в трубке. – Я бы не спешил так с выводами. И уж тем более не гнал

бы сейчас лошадей. Может, лучше синица в руках?

– Это бизнес! – уверенно заявил Хрулев. – А всякий бизнес требует решительных и, главное, своевременных действий. Ладно, не парься. Как говорится, будет день – будет пища.

Хрулев сунул телефон в карман брюк и отхлебнул из чашки, стоявшей на столе. Чай безнадежно остыл. Часы на стене показывали пятнадцать минут одиннадцатого. Да и на улице давно уже стемнело, пора было идти встречать жену.

Так у них давно повелось: жена с работы возвращалась поздно, и он выходил ее встречать к автомобильной стоянке. Не то чтобы у них был уж очень криминальный район. Улица Готвальда в Екатеринбурге одна из цивилизованных, где большинство домов улучшенной планировки, почти элитных. Соответственно, и население тут несколько иное. Всякая ночная шушера в поисках приключений сюда обычно не забредает, потому что можно нарваться и на охрану. Хрулев выходил встречать жену просто потому, что ему хотелось сделать ей приятное, хотелось пройтись перед сном, упорядочить в голове информацию, которой за день поступало очень много, привести в порядок свои мысли.

Жена подъехала в двадцать минут одиннадцатого. Поставив машину на стоянку, они неторопливо двинулись к дому. Обычные разговоры о прошедшем дне, предвкушение легкого чаепития на ночь, душа и постели. У подъезда сосед Лешка ковырялся со своей старенькой «Ауди». Хрулев дога-

дывался, что квартиру Лехе купил в этом доме тесть, потому что бестолковый зять таких денег отродясь не видел.

– Эй, сосед, – с неудовольствием сказал Хрулев, – чинил бы ты свой дуршлаг на стоянке. Что ты постоянно под окнами чадишь?

– Так его сначала завести надо, – пробурчал в ответ Леха из-под поднятого капота.

Обычная ленивая перепалка. Хрулев махнул рукой, догнал жену возле двери подъезда, открыл магнитным ключом дверь и пропустил жену вперед. Вдруг сбоку, как чертик из табакерки, возник человек в темной одежде.

– О! – удивился Хрулев, разглядев знакомое лицо.

Больше сказать он ничего не успел. Рука человека, державшая какой-то темный предмет, поднялась, и грудь Хрулева пронзила огненная боль. Дыхание остановилось, лицо нападавшего поплыло куда-то в сторону вместе с фонарем, кроной соседнего дерева и бесстрастной луной на небе, и Хрулев сполз по стене на землю. Он уже не почувствовал, как вторая пуля ударила его в висок.

– Эй, сосед! Ты чего? – крикнул Леха, выпрямившись возле своей старенькой машины. Хрулев, с которым он только что разговаривал, вдруг оказался лежащим без движения возле подъезда. – Тебе плохо, что ли?

Антон пристроился за черным «БМВ» и повел свой «объект» дальше. Теперь они ехали в сторону центра. Какого чер-

та Краюхин мотается по городу в такое время с огромной суммой денег, Антон не понимал. Может, сегодня денег при нем и нет?

О том, что его жизнь повернется вот таким образом, лейтенант полиции Антон Копаев месяц назад даже не подозревал.

Десять лет пролетели, казалось ему, как один миг. Десять лет он готовился к тому, чтобы найти и наказать убийцу своей матери. Человека в погонах, который лишил его не только матери, но и лишил Антона детства. Интернат, служба в армии, месяцы упорной подготовки и успешное поступление в юридический институт МВД. Потом пять лет учебы, в течение которых Антон изучал тонкости будущей профессии, нужной для того, чтобы найти убийцу. Ведь после того скандала он исчез, говорят, что его перевели куда-то. А найти человека в недрах областного УВД можно, только будучи работником УВД. И Антон старался, он учился так, чтобы закончить вуз с отличием, чтобы у него появилась возможность получить распределение по собственному желанию.

Все так и вышло, и Антон отправился вместо своего приятеля по группе в Каменск. Именно туда перевелся из Екатеринбурга тот участковый, который был повинен в смерти его матери.

Теперь все, теперь убийца найден, уличен в новых преступлениях и... наказан смертью. Собственно, он был убит при задержании, но это все равно наказание. На этом миссия

Антон, как ему в тот миг казалось, кончилась. Он стоял у могилы девушки, которая его полюбила и отчимом которой мог стать его враг. Стоял и думал, что потерял второго дорогого человека из миллиардов людей, населяющих планету, среди которых он был один, как в пустыне, потому что не знал, что ему теперь делать.

Тогда и появился за его спиной полковник Быков, тогда еще заместитель начальника Управления собственной безопасности ГУВД по городу Екатеринбург и Свердловской области. Встреча оказалась определяющей, потому что именно Быков не дал Антону окончательно уйти в себя, отрешиться от жизни. Под воздействием этого жесткого, сильного и непреклонного человека он вдруг осознал, что жил до сих пор для себя, искал личного врага. А чем отличаются от него остальные, те, кто носят погоны офицеров полиции, но вершат, втайне от закона и своих товарищей, мерзкие, гадкие и подлые дела? Те, кто должен бороться с преступностью, но сами являются преступниками?

Быков смог убедить Антона, что борьба не закончена, что еще есть с кем бороться. И главное, за что бороться. Ведь чем отличаются от Антона те невинные люди, которые попали в беду из-за этих оборотней в погонах? Ничем, кроме того, что у них нет возможности бороться с этими отщепенцами и предателями, а у него такая возможность есть.

Антон согласился перейти в Управление, которое возглавил Быков, но не стал тогда называть Алексею Алексеевичу

всех причин, по которым принял это предложение. Он раздавил одну гадюку, которая укусила лично его и его семью. Но ведь на этом гадюшник не кончился, а значит, надо продолжать их давить, давить и давить. Продолжать мстить, за свою мать, за себя, за миллионы и миллионы людей в своей стране, в своем городе. Быков оценил его способности? Отлично, значит, он хороший инструмент для мести!

И вот уже несколько недель Антон работал в Управлении собственной безопасности. Быков сразу вычеркнул нового оперативника Антона Копаяева из числа кабинетных работников. Он будет работать под прикрытием, проводить оперативные разработки, и никто не должен знать, что он – офицер полиции. Даже в управлении кадров картотека и личные дела сотрудников Быкова хранились в особом сейфе. Занимался ими инспектор, которого рекомендовал лично Быков, всесторонне проверив его. Правда, об этой проверке никто не знал.

Жил Антон на конспиративной квартире, о чем знал только полковник Быков. Жил под собственной фамилией, только нигде не сохранилось упоминание о его работе в полиции. А там, где оно сохранилось, на посторонние вопросы отвечать было не принято. Быков настоял на собственном имени Антона и его настоящем паспорте потому, что в городе он мог запросто встретиться с тем, кто его хорошо помнил, с кем вместе учился. И новая фамилия, с соответствующей легендой, будет лучшим доказательством, что Антон теперь

– человек подозрительный. Пусть все будет как есть. А если кто и знал лично, что Копаев работал в полиции в каком-то из районов области, так можно сказать, что выгнали за... мало ли за что.

Краюхин свернул к новому микрорайону, и Антон, поспешно перестроившись, успел свернуть следом. Старенькая неприметная 99-я «Лада», которую Быков передал Антону в пользование по доверенности, оказалась машиной шустрой и надежной. Наверняка технари поработали с ней на совесть. Краюхин покрутился дворами и остановился возле большого продуктового магазина. Антону пришлось прижаться возле подъезда соседнего дома и решать, что делать дальше.

В банк тот заходил, но получал ли наличные, этого Антон не знал. Андрей Краюхин – делец и аферист. А вот стоял ли кто-нибудь за ним или все эти финансовые аферы были плодом лично его трудов, и предстояло выяснить. Аферы заключались в том, что с одной из нескольких фирм, созданных Краюхиным, некто, желающий получить «отмытые» неучтенные наличные, заключал фиктивный договор. По этому договору перечислял деньги на счет краюхинской фирмы, а Краюхин снимал со счета деньги и возвращал их «партнеру». Разумеется, за минусом нескольких процентов в виде оплаты за услуги посредника. Обычно это были договоры на ремонтные работы, на услуги, то есть на такие виды деятельности, которые очень сложно проверить. У полковника Быкова были оперативные данные, что краюхинские липо-

вые фирмы прикрывали люди из полиции, из подразделений по борьбе с экономическими преступлениями. И этих людей он намеревался вычислить.

Но в этом была не вся вина преступников в погонах. Алексей Алексеевич Быков предполагал, что роль полицейских-оборотней в криминальных структурах города намного главнее. Обналичка – это только верхушка айсберга, а под толщей мутной воды скрывается его основная часть. Там вращаются совершенно иные суммы – огромные откаты от использования бюджетных средств, коррупция, передел сфер влияния в бизнесе, прежде всего в криминальном. Разумеется, не гнушаются эти подонки и попытками захвата чужого бизнеса.

Антон получил задание внедриться в эти круги через Краюхина, с которым он должен был подружиться, войти к нему в доверие, заинтересовать своей личностью. Повод для знакомства Антон искал уже третий день, попутно изучая расписание дня Краюхина, его связи. Бизнесмен мог зайти в магазин за покупками, а мог и для какой-то встречи. Жил он совершенно в другом месте, в центре города, поэтому приезд сюда означал все, что угодно.

Андрей наконец принял решение. Он приткнул свою машину возле подъезда жилого дома и направился к магазину. Его размышления и попытка припарковать машину заняли не так уж много времени, но Краюхину вполне хватило, чтобы сделать покупки и выйти из магазина. В руках молодого

человека красовалась коробка с тортом. В другой руке он нес пакет, в котором виднелись бутылка шампанского и фрукты. Стандартный набор. Человек явно шел в гости, и есть шанс узнать, к кому именно. Все-таки на часах половина восьмого вечера, в такое время и к другу на день рождения можно зайти, и к даме. Приобретенное в магазине наводило в первую очередь на мысль о даме.

Краюхин оставил машину возле магазина и двинулся в сторону ближайшего жилого дома. Антон пошел параллельным курсом, пытаясь угадать, в какой дом и в какой подъезд лежит путь его «объекта». «Объект» перешагнул через низкую ограду пустующей детской площадки и двинулся напрямик. Повторять его маршрут – означало привлечь к себе внимание, поэтому Антон продолжал идти вдоль домов, не выпуская Краюхина из поля зрения. Фонари у подъездов почти не освещали детскую площадку, и существовал риск «объект» потерять. Это совсем не желательно, потому что с фруктами, тортом и шампанским абы к кому не ходят. Тут явно близкие отношения, и о них следует знать.

Антон прибавил шаг, чтобы быстрее миновать «мертвую зону», где Краюхина уж не будет видно, и именно в этот момент он его и потерял. Только что фигура молодого человека шустро двигалась на фоне горок и лесенок, как вдруг она исчезла. Антону это не понравилось, он быстрым шагом двинулся к заборчику ограждения площадки и здесь услышал какой-то шум.

Звуки слышались настолько характерные, что ошибиться никак нельзя. Раздраженный голос, угрожающие голоса, то-ропливый топот ног и шелест одежды. Обычно такими звуками сопровождаются «наезды», грабежи и просто хулиганские выходы резвящейся молодежи.

Вот и повод для знакомства, откровенно обрадовался Антон. Дали бы эти неизвестные Краюхину пару раз по морде, пиджак бы порвали, вот тут бы он очень эффектно и появился. Но последующие звуки заставили подумать, что дело пахнет не «парой раз по морде». Это были глухие удары, прерывистое дыхание и смачная матерщина.

Краюхин, насколько успел заметить Антон, держался молодцом. Двое здоровых парней удерживали его с большим трудом, третий, с придыханием, бил жертву в лицо и по корпусу, а четвертый потрошил пакет с покупками. Краюхина, наконец, повалили, видимо, решили добраться до его карманов.

Антон появился с максимальным шумом, чтобы сразу стало ясно, на чьей он стороне и каковы его намерения. Он терпеть не мог бить из-за угла и нападать неожиданно, если того не требовали обстоятельства. В данном случае вроде бы ничьей жизни угрозы не было.

– А ну, подонки! – заорал Антон. – Кыш отсюда, пока я кого-нибудь не изуродовал!

Он намеренно заводил неизвестных, возбуждая их кровожадные низменные чувства. Просто напугать их было не в

интересах Антона.

— Че ты сказал! — выпятив челюсть, вскочил на ноги тот, что потрошил сумку. — Ты на кого хавку раскрыл...

Больше он ничего сказать не успел. Антон, не останавливая движения вперед, провел эффектный удар ногой прямо в подбородок главарю шайки. Парень взмахнул руками и грохнулся на песок площадки. Сопровождая свои действия страшной матерщиной вперемешку с уголовным жаргоном, на Антона мгновенно кинулись еще двое. В темноте он успел заметить блеснувшую сталь ножа.

Это было хорошо, это было просто замечательно! Он сейчас спасал Краюхина не от хулиганов, а от грабителей. Если быть точным, применение при ограблении холодного или иного оружия автоматически относилось уже к категории тяжких преступлений — к разбойному нападению.

Антон одним прыжком переместился вправо, чтобы противники оказались перед ним на одной линии и мешали друг другу. Передний был вооружен ножом с выкидным лезвием, но это орудие, которое он где-то украл или купил в магазине сувениров, годилось для нарезки колбасы и хлеба в купе поезда, но никак не для рукопашного боя. Да и сами подонки для этого боя не особенно годились. Антон это уже понял.

Несколько обманных движений, и он перехватил неуклюжее движение руки с ножом. Удар ногой в колено, от которого противник охнул и сел на землю, резкое нажатие на кисть. Нож вывалился из руки, а ребро ладони Антона врезалось

противнику сбоку прямо в ухо. Он не собирался его оглушать, поэтому удар нанес максимально болезненный.

Третий противник с ревом разъяренного быка ринулся на Антона, буквально перепрыгнув через своего товарища. На этот раз Антон не стал даже отступать. Он встретил нападавшего серией ударов по рукам, а затем остановил ударом открытой ладони в лоб. Оглушенный и обескураженный собственной беспомощностью, парень отшатнулся назад и получил сокрушительный прямой удар кулаком в зубы. Антон в последний момент изменил траекторию и не стал бить его в нос. Ему совсем не нужно было, чтобы подонок валялся и вопил от страшной боли, обливаясь кровью, вполне достаточно пары выбитых зубов и того, что утром губы у него станут похожи на огромные красно-синие олады.

Четвертый, который все это время пытался все еще справиться с Краюхиным, услышал трель полицейского свистка. Он мгновенно оценил ситуацию, бросив только один взгляд на устроенное незнакомцем побоище, и, вскочив на ноги, мгновенно исчез в темноте, так и не завладев хоть какими-то ценностями жертвы. Антон не стал мешать и трем остальным покинуть площадку бегством.

– Как вы? – спросил он, подавая Краюхину руку. – Сильно досталось?

– Сволота... – простонал бизнесмен, с трудом опираясь на руку Антона и поднимаясь на ноги.

Выглядел он, в самом деле, неважно. Колени и полы пи-

джака испачканы в земле, рубашка располосована до самого пояса, на щеке то ли грязь, то ли большая ссадина.

– Спасибо вам, что вовремя подоспели... – прокрихтел Краюхин, ощупывая свои карманы, – хоть бумажник на месте остался. А телефон... телефон, кажется, утащили.

– Пусть им подавятся, – хмыкнул Антон. – Дорогой был?

– Обычный. А в бумажнике и права, и документы на машину, и карточки банковские. Вот канители было бы восстанавливать все эти документы.

Луч света ручного фонаря высветил Антона и потрепанного грязного Краюхина. Крупный мужчина в форменной полицейской куртке, на погоне которой угадывалась большая майорская звездочка, и фуражке с высокой тульей продрался сквозь кусты и строго спросил:

– Что за дела? Кто тут безобразия устраивает?

– Вот, – стараясь быть лаконичным, ткнул пальцем в пострадавшего Антон, – на человека четверо грабителей напали. Я помог, а они убежали.

– Блин, – угрюмо добавил Краюхин, поднимая с земли пакет, из рваного бока которого вываливались фрукты, – по городу уже пройти спокойно нельзя стало. Развелось отморожков, как тараканов!

– Ущерб большой? – деловито спросил майор тоном, который сразу наводил на мысль о его работе участковым.

– Да какой, к черту, ущерб! – зло ответил Краюхин. – Настроение испортили, торт вон раздавили, а я к девушке с по-

дарком шел, поздравить хотел.

– Заявление будете писать?

– А смысл? – вместо Краюхина подал голос Антон, который убедился, что больших денег при нем не было. – Даже если вы их найдете, им и предъявить будет нечего, свидетелей-то не было. Скажут, что прохожий им нахамил, а они не сдержались. Нервы, типа, у них, из-за неблагополучного детства.

– Хрен с ними, командир, – поднимая шампанское, сказал Краюхин. – Найдешь – навешай по шеям как следует, чтобы они тебе на участке показатели не портили. Уроды!

Когда успокоенный участковый удалился, Антон вызвался помочь Краюхину добраться до квартиры его девушки. Благо пострадавший хромал и ему надо было на кого-то опереться. А Антону не мешало узнать номер квартиры и увидеть в лицо ту, из-за которой все произошло. Не зря же говорят, что все неприятности и даже войны на земле происходят из-за женщин. Вот и еще один пример хромает рядом.

Насчет девушки Антон не ошибся.

В какой-то момент ему стало даже немного стыдно за свою работу. Никак он не ожидал, что дверь откроет вот такая хрупкая, черненькая и сразу полыхнет полными ужаса угольками глаз. Очень она испугалась, а так пугаются люди, которые любят, для которых ты дорог.

– Андрюша! – Девушка даже задохнулась от страха, увидев разбитое в кровь лицо Краюхина и порванный пиджак.

Так же испуганно, но с каплей надежды посмотрела она на красивого молодого человека, который поддерживал ее Андриюшу под локоть.

– Ничего страшного, Нинуля, – поспешил успокоить подругу Краюхин. – Это все антураж.

– Какой же антураж, когда ты весь в крови! Что случилось, боже ты мой!

– Хулиганы напали, – спокойно пояснил Антон. – У него просто бровь рассечена и из носа кровь идет. Правда, ничего страшного.

– Вот, – снимая ботинки и направляясь в сторону ванной, кивнул Краюхин на Антона, – парню скажи спасибо. Если бы не он, легко бы мне не отделаться.

– Да ладно! – ухмыльнулся Антон, исподтишка рассматривая девушку. – Трусы они и хлюпики. Стоило только покрепче врезать, как пятки засверкали.

Девушка Антону понравилась. Была она какая-то естественная, хотя брюнеток с карими глазами он недолюбливал. По его мнению, были они непредсказуемыми, отличались тяжелым характером и деспотичностью в отношениях. Правда, у этого типа женщин имелась и приятная сторона – они были крайне эмоциональны. Если гневались, то глаза просто полыхали гневом, а если радовались или любили, они светились иным огнем.

Когда Антон вошел в прихожую конспиративной кварти-

ры, где они обычно встречались с полковником Быковым, то сразу ощутил присутствие женщины. Не было ни запаха духов, ни другого дорогого парфюма, ни нежного женского щебетания, но в квартире царила какая-то неуловимо теплая и приятная атмосфера тишины. Как после генеральной уборки. Визуальное свидетельство того, что в углах и на полках нет пыли, отсутствует, но психологически дышится легче. Так и здесь – женщины ты еще не видишь, но присутствие ее ощущаешь на уровне подсознания.

Молоденькая, почти еще девочка, она сидела в кресле и листала журнал. Быков наверняка был где-то на кухне и не подавал признаков жизни. Антон немного постоял в дверях, ведущих из прихожей, глядя на правильный точеный профиль девушки. Ведь слышала, что входная дверь хлопнула, а не поворачивается, знает, что у нее профиль красивый.

– Здравствуйте, юная незнакомка, – загадочным голосом произнес Антон, не двигаясь с места.

Девушка, как он и ожидал, восторженно, изобразила то ли испуг, то ли смущение и оправила юбку на коленях, которую совершенно не нужно было поправлять. Это у них называется привлечь внимание к выигрышным частям тела. Бедра, которые юбка обтягивала, были плотными, ровными, колени округлые, икры средней полноты – одним словом, не ноги, а картинка из глянцевого журнала. Что это ее сюда Быков притащил?

В глазах девушки Антон прочитал искренний интерес и

мелькнувшую симпатию. «Вот это зря, – подумал он, – ты на работе». На его лице появилась грустная усмешка. Он знал, что нравится женщинам, эдакий молодой скандинавский бог: высок, строен, со светлыми волосами и серыми холодными глазами. Знали бы они, откуда этот холод.

– Явился? – слышался голос Быкова.

Алексей Алексеевич вышел с кухни, вытирая руки полотенцем. Вода там не журчала, значит, «вытирание» рефлекс-торное, а не по необходимости, то есть шеф недоволен или крайне озабочен. На кухне вдруг засвистел чайник, и, снова убегая туда, Быков приказал:

– Знакомься, Антон, это твоя помощница на время операции.

– Полина, – коротко представилась девушка немного суховатым голосом, поднялась все-таки с кресла и подала Антону руку.

– Лейтенант Пилюгина, – добавил полковник, снова возвращаясь в комнату. – Иди, Пилюгина, сделай нам кофейку, а я пока своего работничка попытаю. Садись, Антон.

– Что-то случилось? – спросил Антон, устраиваясь за большим столом.

Алексей Алексеевич на миг замер, уставившись на него прорезями покрасневших глаз, на которых почти не видно было ресниц. Рот с сухими тонкими губами скривился в усмешке. Многие, кто впервые сталкивался с полковником Быковым, считали, что у него неприятная внешность. Ред-

кие волосы неопределенного бурого цвета, какие бывают у рыжих, когда они седеют, бледное лицо с красными прожилками и крупными редкими веснушками, острый костистый нос. Однако Антон уже привык к необычной внешности своего шефа и научился различать эмоции на бесстрастном лице, проявление мысли и перемену настроения в бесцветных глазах. Даже в улыбке Быкова, которая больше напоминала трещину в старом резиновом выцветшем мяче, он находил какое-то обаяние. Чисто мужское, связанное с уважением к умному, честному, принципиальному и, безусловно, мужественному человеку, но все же обаяние. Самое невероятное, что Быков очень рано женился, жена до сих пор от него без ума, и у них трое детей.

– Что-то узнал, или интуиция подсказывает? – вопросом на вопрос ответил Быков, пристально глядя на Антона.

– Ваше лицо подсказывает, – спокойно ответил Антон.

– Физиономист, – с достаточной долей яда выдавил из себя Быков и вдруг, задрав подбородок, крикнул в сторону кухни: – Полина, умерла там? Где кофе, в конце концов?

По реакции полковника Антон понял, что не ошибся. Значит, в самом деле что-то случилось, и не очень хорошее. Быков всегда становился язвительным, когда ему что-то не нравилось или что-то шло не так, как он предполагал.

– Мне не надо! – поспешно крикнул Антон, боясь, что девушка оскорбится тому, что из нее при незнакомом молодом человеке делают официантку.

Полина появилась с одной чашкой в руке буквально через секунду. По всему было видно, что она и не собиралась нести кофе кому-то еще.

– Сядь, – приказал Быков девушке, принимая из ее рук чашку, – и тоже слушай. Значит, дела обстоят таким образом. Вчера в 22.20 возле подъезда дома по улице Готвальда двумя выстрелами в упор был убит некто Дмитрий Хрулев. Первый выстрел в грудь, в область сердца, кстати, он был уже смертельным, второй – в голову, когда тело уже лежало на земле. Стиль совершения преступления, надеюсь, всем понятен?

Полина сидела в кресле, держа спину прямо и положив руки на колени, и смотрела на полковника с таким вниманием, как смотрят обычно студентки на лекции. Антон же пытался вспомнить, что связано с фамилией Хрулев.

– В каком-то смысле Хрулев был личностью незаурядной, – продолжал Быков, прихлебывая горячий кофе и щуря один глаз. – Он не только возглавлял компанию «Экорекурс», интересы этого бизнесмена простираются и в иные сферы. Помимо того что он разработал и реализовал ряд интересных, с точки зрения финансов, крупных проектов, так он еще является и руководителем кадрового центра «Альтаир». Довольно серьезная контора, которая не только занимается подбором персонала, но и маркетинговыми исследованиями в области рынка труда в городе и области. Достаточно привести такой факт, что этот «Альтаир» входит в реги-

ональную ассоциацию рекрутинговых агентств.

– Точно, вспомнил, – вставил Антон. – Хрулев! С его фамилией связаны вопросы найма рабочих на городские приоритетные объекты.

– Правильно, с ним это тоже связано, потому что он довольно близок к людям в областном правительстве, распоряжающимся бюджетными средствами, выделенными на ремонты, реконструкции и строительство. Соответственно, к тем, кто сидит на «откатах». И его «Экоресурс», к вашему сведению, организация, имеющая и строительный профиль, и являющаяся поставщиком строительных материалов и строительного оборудования. Вот такая связка.

– Вообще-то, подобного рода деятельность, – со значительным видом вставила Полина, – является очень прибыльной...

– И весьма криминальной! – подытожил Быков. – Вы оба, наверное, не знаете, но шесть лет назад, при довольно схожих обстоятельствах, был убит предшественник Хрулева. Я и назвал его человеком незаурядным, потому что иметь смелость сесть в кресло убитого предшественника может либо человек бесстрашный и самонадеянный, либо напрямую причастный к убийству. Его предшественник был младшим компаньоном в их бизнесе, он имел небольшую долю в капитале, но мог оказаться угрозой всему делу, всей системе по причине личной несговорчивости, или по другой причине, которой мы не знаем. Но в любом случае он оказался неугод-

ным до такой степени, что его решили убрать раз и навсегда.

– Задачу понял, – кивнул Антон.

– Хорошо, что понял. Но только учти, что раскрытие убийства Хрулева не основная твоя задача. Я бы сказал, вообще не твоя задача. Твое дело внедриться в систему, выйти на тех людей, которые стоят и за этим убийством, и за прошлым, и за нынешними делами. Судя по всему, ситуация обостряется, поэтому впредь считаю наши встречи опасными. Полина станет твоим помощником и твоей связной. Она будет со мной встречаться и докладывать обо всем, а ты удвой и утрой бдительность, Антон. Машина, которую я тебе дал...

– Буду поменьше пользоваться, – перебил его Антон. – Я все понял, Алексей Алексеевич, осторожность и еще раз осторожность.

– Да! – с вызовом подтвердил Быков. – Именно осторожность, а не кулаки, которые ты норовишь пустить в ход. Полина – лицо в нашем деле официальное, она ведет оперативные дела, пишет и подшивает рапорта и сообщения агентуры. Но информацию поставляешь ты.

Уже стемнело, когда Антон был уже в каких-то ста метрах от дома, точнее, от конспиративной квартиры, в которой он жил. В любом оперативном ведомстве, у любого самого рядового оперативника обязаны быть такие. В подавляющем большинстве это частные квартиры, у которых суще-

ствуют вполне реальные хозяева. Кто-то, по договоренности с органами, предоставляет свою квартиру для оперативников, некоторые квартиры находятся в ведении муниципалитетов, но опять же, по договоренности с органами, используются не совсем по назначению. Бывают и более сложные схемы. Но в любом случае оперативнику или разведчику необходимо встречаться с кем-то тайно. Ведь работа оперативника в полиции ничем особенно не отличается от работы разведчика, разве что разведка ведется внутри собственной страны.

И как в любой разведывательной деятельности, оперативнику приходится сталкиваться с противодействием. В данном случае он сталкивается с противодействием преступников. И зачастую это не просто попытки скрыть свою причастность к тому или иному преступлению, скрыть улики. Преступники готовы на все, вплоть до физического устранения оперативного работника, который слишком близко подошел к разгадке тайны преступления и готов задержать преступника.

В обычной практике оперативной работы полиции убивать оперативника особого смысла нет, потому что есть его коллеги, его начальник, есть следователь, который ведет то или иное уголовное дело. Десятки людей знают во всех подробностях результаты расследования, владеют ниточкой, которая ведет к преступнику. Всех не убьешь, да и себе дороже выйдет такая попытка. Либо тебя схватят и ты получишь

еще больше, либо на место убитых будут назначены другие работники. Пуля или нож не всегда все решают.

Но в положении, в котором сейчас оказался Антон Копачев, они как раз решали очень многое. Заподозри преступники, что он из полиции и подбирается к ним, участь его будет тут же решена. И Антон вполне отдавал себе отчет в том, что ему постоянно грозит. Быть осторожным всегда, а не только тогда, когда чувствуешь опасность, он приучил себя еще в Каменске, когда только начинал работать. Теперь же эту осторожность возвел в гораздо более высокую степень.

Антон никогда не возвращался домой одной и той же дорогой, всегда долго и тщательно «проверялся», чтобы быть уверенным на сто процентов, что за ним нет слежки. Он понимал – более беззащитным, чем в собственном доме, человек быть просто не может, разве что в бане. Спокойно лечь спать и знать, что утром проснешься – это очень важно. Ни один человек, каким бы сильным характером, какой бы железной волей он ни обладал, не сможет находиться в состоянии тревоги, чувствовать смертельную опасность круглые сутки. Любой психике нужна передышка, нужен отдых.

И Антон очень старательно, почти с маниакальным упорством берег свой дом, свою безопасную нору от того, чтобы кто-то не узнал ее местонахождение. Более того, у него существовало множество индикаторов, которые подсказывали ему, что жилище не тронут, его не посещали или не пытались посетить нежелательные лица.

Он петлял по улицам, подолгу сидел на лавках, делал непредсказуемые и нелогичные повороты, дважды использовал проходные дворы и арки, которые позволили бы заметить возможную слежку и уйти от нее. Все это делалось старательно и обдуманно. Так, чтобы его сегодняшний маршрут не походил на вчерашний, позавчерашний и третьего дня.

Вот и подъезд. Магнитный ключ, и дверь открылась. Теперь еще одна регулярная процедура. Приготовленные и зажатые в руке предметы быстро занимают свое место. На носу оказываются очки, с чуть затемненными стеклами и в большой массивной оправе, под носом наклеены заметные усы, которые меняют рисунок носогубного треугольника. Быстрым отработанным движением Антон снимает куртку и выворачивает ее наизнанку. Куртка хитрая, двусторонняя. Снаружи она темно-серая, без всяких особых отличий, такая, каких полно в городе, а вот внутри – синяя, с красными и белыми полосами, которые бросаются в глаза и запоминаются.

Изменив походку на тяжелую и неуклюжую, ссутулившись, Антон поднялся на третий этаж. Сегодня никто из соседей ему не встретился. Когда встречались, он здоровался, не поднимая глаз, хрипловатым голосом и с видом утомленного нездорового человека.

Теперь входная дверь. Первым делом тонкий резиновый коврик перед нею. Сам Антон на него никогда не наступал, но в свое время старательно и долго экспериментировал, выясняя место, куда обычно наступают люди, отпирая дверь

ключом. Или отмычкой. Именно в том месте под ковриком лежали четыре тонкие колбаски из пластилина. Если на них наступить, то через подошву обуви не почувствуешь, зато колбаски расплющатся.

Антон осторожно отогнул край коврика и убедился, что его индикатор цел. Теперь второй – две спички. Они подсушены под уплотнитель, и, если дверь открыть, спички обязательно упадут. Можно попытаться перехитрить хозяина и при закрывании двери сунуть спички на место. Но дело в том, что Антон вкладывал их по-особенному. Повторить такое постороннему случайно, скорее всего, не удастся. Правда, всегда можно было предположить, что за дверью и самим Антоном в процессе ее открывания преступники могут наблюдать через глазок двери напротив.

Спички тоже оказались на месте. Антон вставил ключ, отпер замок металлической двери. При этом он стоял сбоку, чтобы возможное взрывное устройство между наружной и внутренней входными дверями основную часть своей энергии выбросило на лестничную площадку, так у него оставался шанс уцелеть. Взрывного устройства тоже не оказалось. На месте была и тонкая шелковая нить, натянутая на уровне щиколоток.

В квартире индикаторов не было, кроме того, что у Антона заведено всегда класть вещи на строго определенное место. Ну, и, конечно, замаскированный объектив камеры наблюдения, направленный на входную дверь и соединенный с

датчиком движения. В случае его срабатывания на мобильный телефон поступил бы сигнал, и тогда Антон на экране увидел бы то, что показывает камера в квартире. Датчик сегодня не срабатывал.

Проверив, насколько плотно задвинуты шторы на окнах, Антон, наконец, переоделся, умылся и занялся приготовлением ужина. Неприхотливый ужин из полуфабрикатов, неизменный сок, просмотр местных новостей по телевизору. Антона такой размеренный режим жизни в своей «норе» не угнетал. У него даже кровать была на высоких ножках, которая не позволяла подложить под нее взрывное устройство. Это была жизнь-борьба, и, как всякая борьба, она требовала от него собранности, силы духа и выносливости.

Антоном двигала ненависть. Не ослепляющая безрассудная ярость, не гнев, из-за которого люди теряют над собой контроль, а холодная рассудочная ненависть к людям, с которыми он боролся. Он так решил. Наказав того, кто убил его мать, теперь он должен наказать других таких же. Тех, из-за которых гибнут неповинные люди, невинные сидят в тюрьмах, кого пытаются и унижают в камерах отделов полиции пьяные оперативники и участковые. Один случай с насильством бутылкой из-под шампанского чего стоил. Об этом говорили по телевизору уже третий день.

Антон ненавидел этих нелюдей в полицейской форме и решил посвятить свою жизнь борьбе с ними. В память о матери. И он готов был жить такой жизнью годы, десятилетия,

если ему будет столько отпущено. Готов был отрешиться от всех земных благ ради собственной борьбы.

Глава 2

Антон спрашивать не стал, но фигура его помощницы Полины явно говорила об увлечении спортом. Невысокая, стройная, крепко сбитая. И икры ног спортивные, и согнутая невзначай рука показывала прокатившийся под кожей крепенький бицепс, и вся она была какая-то правильная, ухоженная, строгая. Если бы не эта строгость в движениях, во взгляде, ее можно было назвать вполне симпатичной девчонкой.

– Так не пойдет, – наконец сказал Антон, когда они шли по скверу. Он взял девушку под локоть и усадил на свободную лавку. – Ты слишком бросаешься в глаза, за тебя взгляд цепляется.

– Что? – удивилась Полина, и ее глаза блеснули негодованием. – В каком это смысле?

– Вот чего ты сразу ерепенишься? – поморщился Антон. – Ты же оперативник, должна сама думать, в зеркало глядеться, прежде чем отправляться на задание.

– Ну, знаешь! – щеки Полины вспыхнули гневным румянцем. – Я, между прочим, про тебя могу такое сказать...

– Не надо! – оборвал ее Антон. – Ничего про меня говорить не надо. Твое дело помогать мне и слушаться меня. Ты своим внешним видом напоминаешь аспирантку, ушибленную наукой. Причем почему-то в голову сразу приходит

юриспруденция. Одним словом, ты похожа на девушку, которую, кроме науки, ничего в этой жизни не интересует, а должна быть похожа на сотни других девушек, теряться среди них.

– Я что, размалеванная должна ходить? – продолжала протестовать Полина.

– А вот это перебор, – усталым голосом ответил Антон и откинулся на спинку лавки. – Знаешь, что! Давай-ка я попрошу Быкова сменить мне напарника. Слишком ты самолюбивая и обидчивая. Забываешь за мелочными обидами о деле, ради которого мы пришли в полицию, а главное – о конкретном деле, которым сейчас занимаемся. Как ты думаешь, Алексей Алексеевич прислушается к моему мнению относительно тебя?

Полина сразу сникла и насупилась. Антон с усмешкой покосился на нее и решил немного помолчать. Пусть эта капризуля немного отойдет и включит мозги вместо эмоций. Пары минут ей хватит, чтобы понять, что Быков проскрипит в ее адрес нечто не очень лестное и посадит за бумажки. И прощай романтика розыска, прощай громкие сложные дела и еще кое-что, ради чего она пришла работать в полицию.

– Ладно, – проворчала Полина, – чего ты от меня хочешь?

– Смени образ, – посоветовал Антон. – Внимательно посмотри по сторонам и подумай. Постой перед зеркалом и примерь на себя несколько картинок, которые тебе подошли бы по твоему характеру, стилю мышления. С новым обра-

зом ты должна слиться органично, а не демонстрировать его. Сейчас ты похожа на переодетого полицейского, а должна походить на... Вспомни, кем в детстве мечтала быть или, например, кем бы стала, если бы не пошла в полицию?

— Юристом, — пожалала плечами Полина. — Адвокатом, судьей.

— Нет, не пойдет, — усмехнулся Антон, стараясь говорить дружелюбно. — Это все тот же образ. Ты представь, пофантазируй. Вообще из другой области! Стюардессой, например, поваром, дизайнером, мастером маникюра...

— Фу! — приснула она. — Скажешь тоже! Ну, если уж фантазировать, то... не знаю, может, путешественником. Или зоологом, ботаником, но обязательно, чтобы ездить по экспедициям, выискивать новые виды, изучать их мир, который так похож на наш и так сильно не похож. Лазить на четвереньках с лупой, разглядывать букашек или лежать неделями в шалаше и снимать на камеру жизнь обезьян.

Антон улыбнулся. Удалось-таки ему расшевелить эту засохшую куклу. Вон как глаза блестят, даже задорные детские ямочки на щеках появились. Есть ведь в ней жизнь, настоящие тайные страсти и эмоции, присущие нормальному человеку. А то вся эта строгость, как на допросе закоренелого уголовника.

— Вот-вот! — положил он руку на девичий локоток. — Ухватила образ? Поживи в нем, представь, что все твое и сейчас. Какая ты? Вся в букашках, в экспедициях! А сейчас верну-

лась, пишешь отчеты, захлеб общаешься с восхищенными твоими коллекциями коллегами, готовишь выступление на семинаре. А еще тебе приятно, что твоей работой интересуется один молодой человек, какой-нибудь очкастый «ботаник». И на тебя он смотрит нежно и загадочно. И ты вся какая? Летишь по улице с распущенными волосами песочного цвета, потому что они выгорели на солнце, на тебе удобные джинсы или летние брючки, удобная обувь на низком каблучке, сумочка через плечо, темные очки. Ты любишь природу, и она любит тебя. Ну? Представила?

Полина удивленно посмотрела на Антона, потом на себя. Ее строгий костюм, черные туфли-лодочки и собранные в хвост на затылке волосы никак не соответствовали тому образу, что нарисовал сейчас ей напарник. Станный он какой-то, этот Антон Копаев. Холодный, высокомерный, замкнутый, а тут вон как проявился. Может, это он специально дистанцию раньше держал, может, у него несчастная любовь была? И мышление у него образное, и душа. А все-таки он интересный парень! И Быков к нему относится серьезно, хотя Антон всего лишь лейтенант, такой же молодой сотрудник, как и сама Полина. Интересно, а за что Быков его так ценит?

Они встретились через четыре часа в людном торговом центре. Антон не стал ничего объяснять, но на самом деле он хотел убедиться, что Полина в новом образе не будет выделяться в толпе своей академической строгостью. Они до-

говорились, что девушка сходит в салон красоты, поменяет гардероб, а потом покажется Антону. Перемены его поразили. Он ее почти не узнал и отметил это для себя с большим удовольствием. Полина шла размашистым шагом и глазела по сторонам, бросая взгляд на витрины то одного бутика, то другого. Мастера в салоне здорово схватили суть второго «я» девушки, вытащили наружу то, что она старательно прятала за ненужностью.

Полина была одета в светло-голубые брючки, чуть зауженные книзу, на ногах синие «балетки», светлый топик под распахнутой летней курткой приоткрывал загорелый плоский животик, стильную сумочку на тонких длинных ремешках она задорно забросила через плечо. Волосы Полине осветлили, чуть завили, и они весело кружились вокруг ее лица, которого он не узнавал. Дело было даже не в легком дневном макияже, а в самом выражении, в беззаботности, жизнелюбии, молодости, которая уверена в том, что мир полон приятных сюрпризов, любви и веселья.

– Пилюгина! – громко шепнул Антон за спиной Полины. – Ты просто чудо! Тебе не говорили, что ты талант?

– Копаев! – резко повернулась к нему девушка с язвительным выражением лица. – Тебе не говорили, что ты зануда?

Антон рассмеялся, подхватил ее за талию и повлек в сторону быстро, уютно приютившееся между бутиками. Со стороны они были похожи на обычную молодую пару, которыми полон любой современный город. Но за столиком в би-

стро Антон снова поразил Полину, изменившись до такой степени, что она даже испугалась. Это было какое-то мистическое, непонятное, необъяснимое изменение, как будто рядом с ней сейчас сидел совершенно другой человек. Исчезли обаяние, веселая беззаботность, добрая ирония, теплота, снова появились холод и расчет. Это был робот, логичный, настроенный только на одну задачу, выполняющий только одну функцию – борьбу с преступностью.

– Сегодня я должен встретиться с Краюхиным, – тихо, одними губами заговорил Антон. В его лице не было никаких эмоций, а серые холодные глаза смотрели на Полину с бесстрастностью кинообъектива. – Я намерен поддаться на его желание меня отблагодарить и спровоцировать на какие-нибудь предложения. Суть их не важна, важны только дальнейшие с ним отношения, которые и могут повлечь, опять же в дальнейшем, мое вхождение в нужные круги. Твоя задача...

– Антон, – перебила напарника Полина, – а Быков дал добро на твой вариант дальнейших действий? Он ведь с неодобрением отнесся к тому, как ты с Краюхиным познакомился.

– Я действую по обстоятельствам, – ледяным тоном ответил Антон. – Нет необходимости обсуждать с руководством каждый мой шаг. Важен только результат, при условии соблюдения секретности. Единственное условие – мои оппоненты не должны даже намекнуть допустить, что я из полиции. Твоя задача...

Полина вздохнула и воздержалась от комментариев. Спорить с Антоном было бесполезно. Оставалось лишь помогать ему, а при случае высказать Алексею Алексеевичу свое мнение.

– Твоя задача, – продолжал Антон, – зафиксировать встречу. Аппаратуру я тебе передам сегодня вечером. Это миниатюрная видеокамера со встроенным дистанционным микрофоном. Направление объектива автоматически является и направлением микрофона. Как установить аппаратуру в сумочке, придумай сама. Снимать лучше через дырку, которую ты в ней сделаешь.

– Портить сумку? – непроизвольно выскочило у Полины.

– Твоя сегодняшняя экипировка, включая и сумку, необходима исключительно для успешного выполнения нашего задания, а не для чего-то другого. Сумка – это такое же специальное оборудование, как кобура для пистолета. Вторая часть твоего задания – убедиться, что за нашей встречей с Краюхиным не наблюдают. Если установишь, что мы с ним являемся объектом чьего-то пристального внимания, ты обязана этих людей также зафиксировать. Со мной никаких контактов ни при каких обстоятельствах. Даже если меня будут бить по голове и тащить в багажник машины.

– Но...

– Полина, – сквозь зубы неприязненно процедил Антон, – «ни при каких» означает именно это и только это. Что бы ни случилось, хоть потоп, хоть ядерная война!

«Ну, и черт с тобой, – со злостью и обидой подумала девушка, – даже не шелохнусь! Пусть тебя хоть машиной переедут! Чурбан деревянный, вот ты кто!»

Антону повезло с первого раза – Андрей Краюхин из дома поехал не куда-то, а к себе в офис. Знакомый черный «БМВ» свернул к офисному центру и плавно втерся между стоящими машинами на парковке. Антон выждал три минуты, поглядывая в отражение на стекле газетного киоска. Краюхин быстро посмотрел по сторонам и перебежал проезжую часть. И тут он буквально нос к носу столкнулся со своим спасителем, который отходил от киоска с газетами в руках. Антон специально их держал так, чтобы были видны названия: «Работа Град», «Работа Урал», «МОЯ работа», «Из рук в руки» – стандартный набор для безработных и отличный способ намекнуть знакомому, что ты ищешь работу.

– О! Здорово! – расплылся в приветливой улыбке Краюхин. – Ты сюда? – кивнул он на высокое здание офисного центра, а потом его взгляд уперся в название газет, которые Антон держал в руках.

– Нет, я так... – неопределенно пожал плечами Антон.

– А-а... – Краюхин уже откровенно посмотрел на газеты в руках собеседника. – Работу ищешь?

– Да, – спокойно ответил Антон, – есть такое желание.

– А пошли ко мне! – вдруг предложил Краюхин. – Правда, есть у меня вакансия. Тебе понравится.

– Что за дела? – без особого интереса осведомился Антон.

– Тебе работа нужна или нет? – весело схватил его за локоть Краюхин. – Пошли, поговорим, как люди, за чашечкой кофе. У меня здесь офис.

Антон не дал увлечь себя в здание. Полина могла туда и не попасть следом за ними, если в офисном центре существует пропускная система. Да и в кабинете она запись вести не сможет через стены. Пришлось выкручиваться заранее приготовленной причиной.

– Сейчас не могу, Андрей, встреча у меня. Если только потом, попозже. А что за работа?

– Ну, не на бегу же такие вещи рассказывать, – рассмеялся Андрей. – Совсем времени нет или пять минут найдется? Пойдем вон через дорогу, в кафешке по чашечке горячего кофе выпьем.

Антон выдержал задумчивую паузу, посмотрел на часы в мобильном телефоне и согласился. Краюхин стал еще оживленнее. Пока они шли через дорогу и усаживались за столик открытого кафе, он практически не умолкал. И только когда им принесли дымящийся кофе, закурил и, наконец, перешел к делу:

– Работа очень простая, Антон, но хорошо оплачиваемая. Я тебе ее предлагаю, потому что вижу в тебе честного и принципиального человека. Понимаешь, на этой работе главное аккуратность и честность, поэтому я ее первому встречному и не предлагаю.

– Это ты меня вроде как благодаришь за помощь? – изоб-

разил на лице легкую иронию Антон.

– Я же говорю, что увидел в тебе те качества, которые как раз на этой работе и нужны! Ты надежный мужик, это же видно.

– Ладно, убедил, – усмехнулся Антон. – Так что за работа?

– Директором фирмы...

– Не пойдет, – сразу же перебил Краюхина Антон. – Директорство не по мне.

– Подожди отказываться. Фирма существует только на бумаге. «Липы» никакой нет – зарегистрирована она как положено, все лицензии, какие нужно, есть. Только существует она для одной-единственной цели – обналичивание безналичных средств. Понимаешь, директорам многих предприятий и организаций зачастую нужны наличные, которые нигде не проведены и за которые не нужно отчитываться. Чисто бухгалтерскими ходами внутри своего предприятия нужных объемов не выкружишь, потому что под любую сумму, под любую бухгалтерскую проводку нужны документы. Можно зарплату выдавать людям, которые только числятся, но это большие попутные расходы – всякие отчисления с фонда оплаты труда.

– А ты каким образом можешь помочь?

– Очень просто! К примеру, ты – руководитель строительной организации, тебе нужен так называемый «черный нал». Заключается договор с одной из моих фирм, которая имеет строительную лицензию, на выполнение субподрядных ра-

бот...

Дальше Краюхин коротко, не вдаваясь в подробности и не касаясь тонкостей, обрисовал схему получения неучтенной наличности еще в четырех вариантах. Антон был готов к этому разговору и примерные схемы уже знал от Быкова, но то, что рассказал ему Андрей, поражало. И главное, он рассказывал это практически незнакомому человеку. Почему же Краюхин не боялся? Значит, его прикрывали солидные дяди, которых Быков и подозревал, – кто-то из Управления по борьбе с экономическими преступлениями.

Работа директора фирмы, которую предлагал Краюхин, сводилась лишь к контролю за своевременным составлением необходимых документов и снятию «налички» в банке. Потом он должен был передать ее Андрею. В конце месяца на счету фирмы скапливалась некоторая сумма в виде процентов от сделки. Зарплату Краюхин обещал очень приличную, правда, с оговорками.

– Не, – покачал Антон головой, – не то! Канцелярщина, бумаги эти. Не мое! Мне бы работу по моим способностям: в службу безопасности солидной фирмы, личным телохранителем могу. Помнишь, как я этих отделаю? Вот это мое дело, а бумаги, счета, бухгалтерия... Спасибо, конечно, что предложил!

– Ну, – с некоторым сожалением и даже удивлением пожал плечами Краюхин, – решать, конечно, тебе, но еще раз скажу, зря ты вот так сразу отметаешь. Если все-таки наду-

маешь, то звони. В любом случае мы с тобой не прощаемся. Я подумаю. Если ничего толкового не найдешь, может, я по своим знакомым чего смогу предложить. Мир тесен...

Пашка Матвеев был по жизни оптимистом. Причем, если оглянуться назад и вдумчиво посмотреть, жизнь-то как раз делала все, чтобы он оптимистом не стал. Одним словом, к тридцати с небольшим получилось так, что за плечами у Пашки были только неудачи, в кармане не оказалось никакого, хоть самого завалящего диплома об образовании, а в руках никакой мало-мальски приличной профессии.

Собственно, Пашка был прорабом, как это принято называть, но прорабом не совсем настоящим. Работал он частным образом, подрываясь делать те или иные работы: гараж на даче построить, квартиру отремонтировать, офис, уложить тротуарную плитку, поставить сантехнику. Короче, шабашничал.

Постоянная бригада специалистов когда-то была, но давно, когда Пашка еще работал не один, а с двумя приятелями. Начали они шустро, работали быстро и весело, заказы шли, одни заказчики тащили за собой других. Договоренность была простая – все, что зарабатывалось троими, на троих поровну и делилось. Но тут Пашка стал замечать, точнее, догадываться, что его партнеры не все свои объекты показывают. Что-то равнодушно они стали относиться к поиску заказов и к маленьким заказам. Потом он точно узнал, что партнеры

его обманывают. Вообще-то, не именно его, а друг друга – каждый стал работать на свой карман и скрывал это.

Вот так их «трио» развалилось. Пашка был единственным из них, кто не имел строительного образования, но понадеялся на то, что поднабрался опыта и знаний за эти годы и стал работать один. Бригады собирал на стороне, плевался, ругался, но тянул объект за объектом. Случались перебои с оплатой, случалось, что его и откровенно «кидали». Но Пашка упорно работал в надежде, что вот-вот найдется тот самый постоянный богатый заказчик, о котором мечтают все шабашники.

Это была не просто мечта, а мечта осуществимая. И примеров осуществления ее вокруг было много. Иногда целые фирмы создавались под одного конкретного человека, который по должности в какой-нибудь организации оказывался возле денег, запланированных на ремонтно-строительные работы. Это была целая программа, когда привлекался свой человек – строитель, и с ним в течение многих лет денежки делились. Там чуть объемы завысили, когда есть места, где трудно проверить, или когда можно приврать в актах на скрытые работы. Там с материалами поиграли, там с расценками. В итоге получалось не так уж и мало, если учесть, что работы ведутся постоянно.

Но это строительные организации, а вот у частных бригад и вольных прорабов свой «свет в конце тоннеля». Каждый мечтает, и многим в конце концов удается «присосаться» к

одному конкретному состоятельному заказчику, у которого постоянно есть для них работа. Сначала квартиру отремонтировать. Причем ремонт не дешевый, а значит, стоимость работы вырастает пропорционально стоимости материалов. Потом хозяин начинает строить загородный дом – вот тебе еще постоянная работа на три-пять лет. Потом выясняется, что у хозяина сын или дочь подросли, и им тоже нужна квартира. Снова работа. А потом самому хозяину или, что бывает чаще, его жене надоедают интерьеры собственной квартиры. Но не менять же отделку в жилой квартире! И тут – новая сказка: покупается еще одна квартира, приглашается дизайнер, начинается новый этап работ. Хозяин с хозяйкой не спешат, они смакуют будущий уют, часто меняют решения, и приходится что-то переделывать заново. Рабочим наплевать, потому что все оплачивается. И так продолжается годами: квартира, загородный дом, квартира детям, новая квартира себе, коттедж детям, и так практически до бесконечности. Главное, не потерять доверие хозяина, не провиниться до такой степени, чтобы он начал искать новых рабочих и нового прораба.

И Пашка старательно искал такого заказчика, мелькал в нужных кругах, поддерживал отношения с теми прорабами, которые такое счастье имели и могли составить протекцию в случае чего.

В тот теплый летний день Пашка вернулся домой рано. Весело щебетали птицы, приветливо кивали головами ста-

рушки у подъезда, резвились детишки на площадке. Но у Пашки было отвратительное настроение, и вся эта благодать его только раздражала. Рабочие требовали зарплаты, заказчик выпендривался и зажимал часть денег. Чтобы разрулить в этой ситуации, надо получить аванс на другом объекте. Но там тоже были проблемы – заказчик все тянул с авансом и тянул.

Галка в ярком веселеньком халатике открыла дверь и сразу по лицу мужа поняла, что у него неприятности. Она всегда это понимала, но не потому, что была такой уж проницательной, а потому, что Пашка никогда не скрывал от нее своего настроения, не закрывался в «своей раковине» со своими проблемами. Так у них повелось еще с начала семейной жизни: делить все радости и невзгоды, все переносить вместе и решать тоже вместе. В этом смысле Пашке с женой повезло.

Галка болтала, стараясь отвлечь мужа от невеселых дум, рассказывала, как у нее дела на кафедре, где она работала старшим лаборантом. Постепенно Пашка оттаял и перестал хмуриться. Дом действовал на него благотворно. Ужин закончился уже не в угрюмом молчании, да и рассказ Пашки о свалившихся на него проблемах прозвучал уже не так трагически, каким он рисовался до этого в голове. В конечном итоге проблема была чисто эмоциональная. «Бодаться» с заказчиком – это суть его работы, склоки с рабочими – тоже вещь неизбежная. Хотя тут правота на его стороне. Он никогда своих рабочих не обманывал, всегда первым делом рас-

плачивался с ними, а потом уже думал о своей доле. А если кому что-то не нравится, то пусть устраиваются в строительную организацию по трудовой книжке, там зарплата четко по датам. А если нравится на вольных хлебах, то пусть от этих хлебов вкушают и специфики.

Потом они перебрались в зал, включили телевизор. Обычное дело – подремать перед экраном под какой-нибудь сериал, если нет в этот день серьезных фильмов.

– Ой, смотри, – вдруг позвала Галка. – Мальцев!

Пашка оторвался от газеты с телепрограммой, поднял глаза на экран телевизора и действительно увидел Владимира Мальцева. Передача была о проблемах массового спорта в городе и физическом воспитании подрастающего поколения. Съемки шли на каком-то стадионе, а интервью брали у вице-губернатора и министра областного правительства по развитию спорта. Рядом с ними и маячило лицо Мальцева.

– Вот жук, – рассмеялась Галка, ловко управляясь с утюгом на гладильной доске. – Он что, в депутатах теперь или в правительстве?

– Скорее при правительстве, – усмехнулся Пашка, глядя на экран. – Какую-то дирекцию спортивных сооружений при спортивном министерстве возглавляет. Смотри, а лицо-то у него пошире стало, не то что восемь лет назад.

Примерно восемь лет они и не виделись с Володей Мальцевым. Когда-то они учились в одной школе, правда, в разных классах. Друзьями не были, а так – приятелями. Просто

у них была общая компания. Ходили на пруды купаться, в волейбол играли в школьном спортзале. А потом Мальцев с кем-то договорился, и во двор привезли материалы. Оказалось, что для строительства спортивной площадки.

Володя тогда всех на полном серьезе поставил на уши, был у него уже тогда талант убеждать. И вся их компания, включая и самого Пашку, взялась за строительство площадки. Тогда они с Мальцевым, кажется, и сблизились, стал Володя Пашку как-то выделять из всех. За старательность, что ли, или за желание помогать.

Потом они школу окончили и стали потихоньку расплываться по жизни в разные стороны. Но Пашка с Мальцевым снова пересекся. Как раз тогда в Екатеринбурге организовывалось областное отделение «Молодой гвардии». Пашка к этой идее отнесся скептически, полагая, что комсомол уже не возродить, но то, что Мальцев обращался к нему за помощью, самолюбию льстило.

То Мальцеву надо было помочь информацию распространить о какой-то акции, то молодежь собрать на уборку сквера и высадку деревьев. Он Пашку даже хвалил и в пример ставил. Вот какой энтузиаст, только в ряды вступать не хочет. Пашка, собственно, и не прочь был бы вступить в эту организацию, но жизнь у него сложилась так, что... Сначала надолго из города пришлось уехать, потом было как-то не до того.

– Надо ему на глаза попасться как-нибудь, – сказал Пашка

жене. – Случайно, на улице.

– И что? – удивилась Галка. – Что он тебе? Он теперь птица вон какого высокого полета, ты ему теперь никто.

– Ну, это ты зря так о нем, – стал возражать Пашка. – Все-таки я ему столько помогал, столько вместе всякого сделали. Думаешь, сделает вид, что не узнал? Нет, он ко мне всегда хорошо относился, ценил. Если есть у него какие-то вакансии, я думаю, не откажет. Тут ведь главное что? К бюджетной организации присосаться, да чтобы во главе свой человек был.

– Ну, попробуй, – пожала плечами Галка.

Сказала она это хорошо. Пашка всегда улавливал, с каким настроением жена произносит свои фразы-резюми. Сразу чувствовалось: верит она в успех или не верит, одобряет или снисходительно предлагает попробовать и забыть. Сейчас она сказала тоном заинтересованного человека. Почему бы старому приятелю не взять к себе ее мужа? Глядишь, финансовое положение в семье немного стабилизируется. Надоедает женщине нестабильность в доходах, и именно потому, что она – женщина. Им нужна уверенность, им надо планировать, им в завтра надо заглядывать.

То, что Андрей Краюхин ему обязательно позвонит, Антон не сомневался. Сразу было понятно, что он своим новым знакомым и спасителем заинтересовался, есть на него какие-то особые виды. И даже когда Антон отказался идти в

директора липовой фирмы и обналичивать деньги, интерес к нему у Краюхина не пропал.

Звонок раздался через два дня. Обычные дежурные вопросы звучали совсем не так, как задаются по привычке. А после вопроса, нашел ли Антон работу, сразу стало понятно, что абонент надеется на отрицательный ответ. Антон не торопился, он нехотя стал объяснять, что работу предлагают, но в одном месте как-то не очень все серьезно, в другом, извините, копейки предлагают. А он готов головы отрывать и грудь подставлять, лишь бы платили как следует.

Закончился разговор тем, что Краюхин предложил встретиться. Он хотел познакомить Антона с одним человеком, который может взять его к себе. Кем именно – неизвестно, нужно встретиться, чтобы он посмотрел на Антона. Без всякой рисовки, но и без энтузиазма, Антон согласился. Чем не вариант!

Встретились они с Краюхиным вечером, когда было еще светло. Пожав Антону руку, Краюхин потащил его куда-то по улице. Был он опять возбужден и доволен. Антон пожал плечами и последовал за ним. Боковым зрением он заметил, что Полина на месте, сегодняшний образ ее удачен, и она теряется в потоке женщин на улице. Порядок, съемка идет!

Они подошли к светлой «Тойоте», и Антон поморщился. Стекла у внедорожника были сплошь затемнены, даже лобовое, а ему очень хотелось, чтобы Быков посмотрел записи беседы с этой личностью и навел бы о ней справки. На

свою одежду Антон принципиально не хотел вешать никакой аппаратуры. Многие преступники, особенно если они работают в полиции, знают о такой возможности, и вполне могут воспользоваться другой аппаратурой, которая определяет всякие «жучки» и «маячки».

– Ну, вот и пришли, – кивнул на «Тойоту» Краюхин. – Иди, садись в машину. Там тебя ждет человек, его зовут Сергей Михайлович.

– А что такая таинственность? – с неподдельным неудовольствием спросил Антон. Ему действительно это не нравилось, потому что сквозь затемненные стекла Полина не сможет запечатлеть лицо неизвестного.

– Ладно, ладно, – с усмешкой подтолкнул его в спину Андрей, – не выделяйся. Кто платит деньги, тот и заказывает странности в поведении.

То, каким тоном это было сказано, да и сама таинственность ситуации наводили на мысль, что этот будущий благодетель – птица высокого полета в криминальном мире. А возможно, и не только в криминальном. Через тонированное переднее стекло Антон различал широкую мужскую фигуру за рулем машины. Он потоптался на месте, демонстрируя явное неудовольствие, затем решительно шагнул к машине и открыл дверь.

– Давай, залазь! – раздался сочный баритон из кондиционированных недр салона. – Что-то ты нерешительный какой-то. Андрюха тебя расписывал как парня делового и кон-

кретного.

Антон оставил замечание без комментариев и молча полез на переднее сиденье. Стараясь не выглядеть подозрительно, он мельком окинул взглядом салон и человека за рулем. Широкий в плечах, с крупным бритым черепом и тяжелой нижней челюстью. Личность примечательная, «с прошлым». Такая характеристика пришла в голову непроизвольно, без всяких объяснений. Чуть позже стало окончательно понятно – самоуверенный, с покровительственными интонациями, чуть нагловатый, был в начальниках, или работа, возможно предыдущая, связана с властью над людьми. Наколот на руках и на груди, видневшейся из расстегнутой рубашки, нет, значит, не сидел, не из уголовной среды. Хотя... Антон вспомнил, что и на занятиях в институте, и потом, по различным сводкам, он встречал упоминания о людях, которые успешно занимались криминальными делишками, даже преступлениями, руководили бандами и преступными группировками, состоящими сплошь из уголовников, но сами эти «уникумы» судимостей не имели и ни разу к уголовной ответственности не привлекались. Удавалось им как-то от нее уходить.

– Так что вы мне хотели предложить? – спросил Антон.

– А что ты умеешь делать?

– Краюхин вам обо мне, наверное, рассказывал, стоит ли повторяться? Директором фирмы, как он предлагал, может, и смогу, только не нравится мне это, не мое. Сейчас подыс-

киваю местечко в какой-нибудь службе безопасности.

– Из ментовки чего ушел? – неожиданно спросил Сергей Михайлович.

Антон весь подобрался, но внешне остался все таким же холодным и равнодушным. Этот тип знал о его службе в полиции, или этот вопрос – чистейшая провокация? Может, они когда-то встречались? Почему он назвал полицию «ментовкой»? По привычке? Никогда в ней не работал, поэтому к новому названию ведомства не привык? Или, наоборот, работал, но ушел в период проведения внеочередной переаттестации? Вопрос за вопросом пронеслись в голове Антона. Нужен был ответ, потому что вся его линия поведения должна соответствовать легенде. И он должен учитывать все варианты, но склониться придется к какому-то одному, наиболее вероятному. Скорее всего, этот Сергей Михайлович в самом деле раньше работал в милиции. Есть что-то в нем, остатки каких-то манер.

Вывод напросился сам собой. Его собеседник служил в милиции и ушел оттуда до переименования ведомства, а последнее звание у него было не ниже майора. «Ладно, – подумал Антон, – интуиция – вещь хорошая, но надо его как-то спровоцировать на признание».

– Не заладилось, вот и ушел, – небрежно дернув плечом, ответил он. – Вляпался в ситуацию, фактически попал, заодно с другими, «под раздачу». Знаете сами, как такое бывает! Одни напортачили, а другие виноваты. Там же виноватых

назначают.

– Это точно! – рассмеялся Сергей Михайлович. – Там, как в армии. Когда виноватого нет, его назначают. Если у тебя лапы вверху не имеется, то назначают тебя. Ладно, как говорится: свояк свояка видит издалека. Я тебя понял. Парень ты, чувствуется, хороший, поэтому я тебе работенку подыщу. Самое главное, что тебе надо усвоить, – не кусай кормящую тебя руку. Давай!

Давать следовало руку для пожатия. Антон протянул свою и сразу ощутил силу лапищи нового знакомого. Рука мягкая, теплая и сухая. Видно, что человек не нервничает, чувствует себя как в своей тарелке, ситуацию контролирует и ничего не боится.

Новости от начальства Полина принесла на следующий день. «Тойоту» она сфотографировала во всех ракурсах, звук записи оставлял желать лучшего, но, по ее словам, специалисты обещали запись подчистить. Зато имя и отчество нового знакомого, машина с регистрационными номерами – все оказалось подлинным.

Взяв Антона под руку, Полина старательно изображала его подружку. Шла рядом, игриво пинала ногой камушки, вскакивала на бордюрные камни, а на лице витала счастливая умиротворенная улыбка. Актриса из помощницы получалась хорошая. Не выходя из образа, Полина рассказывала Антону о результатах проверки.

– Боруцкий Сергей Михайлович, сорок четыре года, подполковник полиции. Сейчас на пенсии по выслуге.

– Дай-ка, угадаю, – чуть сжал руку девушки Антон. – Работал в Управлении по борьбе с экономическими преступлениями, так?

– Совершенно верно, мистер Холмс, – хихикнула Полина. – Городское Управление. Алексей Алексеевич отметил особенно тот факт, что Боруцкий ушел на пенсию без всякого скандала и негатива. Честно говоря, мог и не уходить.

– Ясно, – кивнул Антон, – причина лежит вне сферы профессиональной деятельности. Если человек уходит оттуда, где у него все хорошо, значит, он уходит туда, где все будет еще лучше. У меня не сложилось впечатления о нем, как о человеке, уставшем от жизни и от работы. Полон энергии, оптимизма, жажда деятельности из него так и прет.

– Алексей Алексеевич не исключает, что Боруцкий ушел из полиции для того, чтобы вплотную заниматься теми противозаконными делами, которые он покрывал, будучи на службе. И еще он считает, что в Управлении остался кто-то из его подельников и продолжает покрывать эту деятельность.

– Ну, это и мы с тобой не исключаем. Дальше.

– Во время службы пользовался поддержкой начальства, считался «блатным», человеком, у которого есть наверху «лапа». Быков считает, что тебе фамилии его возможных покровителей пока называть не стоит, чтобы не дезинформи-

ровать. Он сам ими займется. Но факт, что Боруцкий имел близкие отношения с работниками Главка, просил особо тебе отметить. В настоящее время Боруцкий нигде официально не работает и не числится. Живет на пенсию. Это очень сомнительно, потому что его машина, которая куплена на, так сказать, «выходное пособие» и предыдущие накопления, в обслуживании очень дорогая. Техническое обслуживание на сервисе два раза в год – примерно по пятнадцать – двадцать пять тысяч каждое, в зависимости от пробега. Это я сама уточняла. Плюс страховка.

– Понятно, – остановил помощницу Антон. – То, что машина ухоженная, вылизанная до блеска, я понял по салону, за ней особо тщательный и не очень дешевый уход. В салоне масса всяких стыков панелей облицовки, решеточек и других мест, которые протереть от пыли, промыть очень сложно. Там всякие кисточки нужны, фильтры воздухозаборников нужно пылесосить. А пробег на спидометре у него приличный, не новая машина.

– Вот-вот, – обрадовалась Полина, что ее подозрения и умозаключения сошлись с мнением Антона. – А еще у него просто колоссальные связи по городу и области. Это не за два дня выяснилось, это наблюдения Быкова, Боруцкий давно в его поле зрения.

– И что? – удивился Антон. – Давно, а криминала за ним не установили?

– Я так поняла, Антон, что Боруцкий вне компетенции

нашего Управления, он же уволился. Трудно обосновать его оперативную разработку, а в последние годы Быков был связан по рукам и ногам своим предшественником, у которого был заместителем. Теперь ему, конечно, и карты в руки.

Антон слушал свою помощницу и чувствовал на сгибе локтя ее ладошку. Ладонь Полины как будто жила своей отдельной жизнью. Она то чуть сжимала его руку, то просто нежно лежала, то пробегала по ткани его куртки пальчиками. При всем своем не очень богатом не только любовном, но и вообще жизненном опыте, Антон всегда стремился к анализу, пытался найти объяснения окружающим его фактам, событиям, собственным ощущениям, поступкам и поведению людей. Это была словно игра, которую он начал еще в юности и которая теперь превратилась в привычку.

С момента своего знакомства с Полиной Пилюгиной он сразу уловил некоторую неприязнь со стороны девушки, хотя никак не мог догадаться, с чем она связана и что послужило причиной ее возникновения. Но, присмотревшись к Полине внимательнее, понял, что причина лежит в плоскости чисто женских психологических особенностей. С одной стороны, он ей нравился как мужчина, а с другой – Полина была личностью, избалованной вниманием окружающих.

Сначала, как полагал Антон, она росла в благополучной семье и считалась девочкой правильной. На «хорошо» училась, хорошо себя вела, была послушной, старательной, трудолюбивой. Наверняка! И ее постоянно хвалили, культиви-

ровали в ней этот статус положительной девочки. Хвалили родители, учителя в школе, наверное, и родители подруг, которые ставили Полину в пример своим дочуркам, хвалили и в вузе, предсказывая светлое будущее и блестящую карьеру.

А потом она, наверное, попала в Управление Быкова и столкнулась с тем, что называется взрослой жизнью. Здесь масса людей, каждый со своими достоинствами и недостатками, которые принято называть особенностями личности, если они не мешают работе. Алексей Алексеевич вообще набирал к себе людей во всех отношениях положительных, включая и профессиональные качества.

И вот славную девочку Полину перестали хвалить и ставить другим в пример. Более того, иногда ей даже прямо не говорили, а просто ставили перед фактом, что тот или иной сотрудник более трудолюбивый, более исполнительный, более... Одним словом, превосходит ее. А тут еще Антон Копаев – молодой, такой же, как ей казалось, сопливый лейтенантик, как и она. И даже он пользуется большим доверием у полковника Быкова, можно сказать, что даже большим уважением.

Вот это и возбудило в немного капризной и избалованной девочке чувство неприязни, раздражения, обиды, которые она перенесла на Антона. И это при том, что он ей еще и нравился. Отсюда и двоякость поведения, и обостренная обидчивость. А сейчас она приспособилась психологически. Природная и воспитанная с детства привычка к послуша-

нию сделала свое дело. Она приняла в Антоне старшего, но невольно старалась всячески показать свою состоятельность как офицера полиции, свой ум, свои знания.

Порой, правда, еще забывалась и вела себя вот так же, как сейчас. Невольное выражение симпатии ладошкой, пальцами, взглядом, в котором промелькнет нежность, чуть кокетливым поворотом головы. Все это вызывало в Антоне прежде всего вздохи неодобрения. Что за работа, когда мысли заняты «амурами»? Конечно же, Полина была девушкой во всех отношениях приметной. И фигурка у нее заглаженье, и личико! И глазами умеет иногда так стрельнуть, что... Но Антона все это не трогало, как будто не ему все это предназначалось. Более того, ему это мешало, потому вызывало раздражение. У него была цель в жизни, была очень важная работа, которой он себя посвятил. И ничему постороннему в этой жизни не было места. Возможно, пока...

– Хорошо, я про Боруцкого все понял, Полина. Не понял только следующего, и передай, пожалуйста, Алексею Алексеевичу, что неплохо бы ему поделиться со мной информацией о связях Боруцкого в городе. Мне же легче будет работать, легче ориентироваться в ситуации, если я буду знать, откуда растут ноги в тот или иной момент.

– Я думаю, что Быков...

– Ты просто передай, хорошо? – перебил девушку Антон недовольным тоном.

Глава 3

Андрей Краюхин очень торопился. Один из директоров его фирмы для обналички должен был привезти в офис снятую в банке сумму. Деньги большие, почти три миллиона рублей. Андрею необходимо забрать их у директора – Коли Бурмистрова – и через час передать заказчику. Потребности в неучтенных наличных деньгах постоянно растут, и Краюхину приходилось постоянно открывать все новые и новые предприятия. Сейчас их было уже семь. Даже имея надежную «крышу», прокачивать через один счет ежемесячно по пять-семь миллионов опасно, рано или поздно попадешь под подозрение. Или проверка какая-нибудь плановая из вышестоящих инстанций банковской системы, или из полицейского областного начальства кто-нибудь захочет выслужиться или прижать к ногтю конкурентов. А ведь есть еще и прокуратура.

Андрея с самого начала предупреждали, что работать можно, бояться не надо, но и наглеть тоже. Любое нарушение, даже преступление можно покрыть, если оно не выходит за определенные рамки. Вот он и не выходил, и каждый раз мучился с подбором нового директора обналичивающей фирмы. Человек должен быть адекватным, надежным и преданным. Хорошо, когда кто-нибудь из его «крыши» предлагал кандидатуру, но в основном это была его проблема.

Коля Бурмистров был своим парнем, Краюхин знал его лет десять. Хотя, как знал? Был знаком лет десять. Работал Николай в милиции в патрульно-постовой службе. Выгнали за то, что кого-то избил, да вроде еще пьяных обирал. Устроился на работу в частное охранное агентство, а потом его посоветовала взять Нина, с которой они учились в школе в одном классе.

Андрей поверил своей невесте, поверил в то, что Бурмистров в общем-то парень нормальный и не кусает кормящую его руку. Если ему доверять, работать будет не за страх, а за совесть. И деньги ему нужны, потому что у его матери серьезные проблемы со здоровьем, а это лучший стимул к работе. К честной работе.

В Бурмистрове Андрей не разочаровался. Был он старательным, вникал во все тонкости своей работы, часто обращался за советами. Краюхин не отдавал себе отчета в том, что Николай ему нравился еще и потому, что не скрывал своей благодарности за предоставленную работу. Это всегда нравится людям, которые начинают чувствовать себя хозяевами, и у них появляются барские наклонности. У Краюхина они появились.

Дверь за спиной открылась. Андрей сразу догадался, кто пришел. Так открывать дверь умел только Бурмистров – вежливо, предупредительно, крайне уважительно, наполовину, чтобы можно было просунуть голову и одно плечо, а потом спросить:

– Можно, Андрей? Я не опоздал?

Краюхин повернулся и кивком разрешил войти. Николай держал в руках туго свернутый черный пакет и доверительно улыбался. Улыбка, в общем-то, была глуповатая, но Краюхин не возражал против такого проявления уважения к своему статусу. Подкупало еще и то, что рядом со своим работодателем Бурмистров выглядел атлетом. Невысокий, с хорошо развитыми плечами и грудью, тонкой талией, он умудрялся держаться уверенно и в то же время уважительно. Его смуглое лицо всегда выражало доброжелательность и готовность исполнять, что прикажут.

– Привез? – задал Андрей дежурный вопрос, хотя пакет видел прекрасно.

– Да, все точно. Пересчитывать будем?

Вопрос был почти риторическим, потому что у них принято при передаче денег всегда пересчитывать. И дело тут не в доверии или недоверии, просто так делают все, кто постоянно обращается с большими суммами денег. Каждый должен быть уверен в том, что он держит в руках и везет для передачи кому бы то ни было именно ту сумму, которую и должен везти. Мало ли какие случайности бывают, а тебе краснеть перед заказчиком.

Разложив на столе пачки, они стали вдвоем быстро пересчитывать. Когда сумма сошлась и все пачки были снова сложены в маленький полиэтиленовый пакет и завернуты в черный непрозрачный пакет из супермаркета, Николай начал со

своей неизменной уважительной улыбочкой:

– Слушай, Андрей, тут дело одно подворачивается. Я, разумеется, без тебя решения не принимал, но дело выгодное.

– В смысле? – не понял Краюхин.

– Ребята обозначились одни. Им срочно надо обналичить восемь «лимонов». Они согласны даже за срочность пару процентов нам накинуть.

– Какие ребята, откуда обозначились? – с явным неудовольствием спросил Андрей.

– Нет, если ты насчет... тут все чисто, я их давно знаю. Коммерсанты! Тут без подставы.

– Ты что, рассказал им, чем занимаешься? – насторожился Краюхин. – Спятил, что ли?

– Нет, ты что! Не говорил. Просто разговор зашел на эту тему, и все. Они без обналички обходились, а тут необходимость возникла, вот и зондируют почву. Я просто пообещал поузнавать.

– Слушай... – почесал за ухом Андрей, – давай без этих инициатив. Клиентов у нас хватает и постоянных, проверенных. Знаешь, как легко нарваться на неприятности?

– В смысле, что полиция или прокуратура может наехать? Я думал, что у тебя, если ты такими делами занимаешься, «крыша» надежная.

– Не важно! Всякое бывает. Просто в любом деле есть свои правила, и их нарушать не стоит. Твое дело – документы, твой счет, наличка! И все!

– Без вопросов! – с готовностью согласился Бурмистров. – Я просто хотел... короче, я все понял, шеф!

Глаза у Николая были веселые и понимающие. Сразу видно, что человек дисциплинированный. Краюхин просто забыл, что в самом начале, когда принимал Бурмистрова на работу, то по всем подобным вопросам тщательно его инструктировал. У него оставалось мало времени до встречи с заказчиком и думать о посторонних вещах он не хотел. Подхватив пакет, Андрей напомнил Николаю, что завтра должны поступить на счет еще две суммы и что одну он должен срочно заказать в кассе банка наличными. Документы должны были быть готовы сегодня.

Они были готовы и без напоминаний. Бухгалтер и сметчица предприятия, в котором числился директором Бурмистров, уже все сделали. Проводив взглядом машину Краюхина, Николай усмехнулся, посмотрел на часы, поспешно перебежал дорогу к своей старенькой «Ауди», завел мотор и сорвался с места с визгом резины. Он любил так трогаться. Чтобы с шумом, с эффектом, чтобы на него оглядывались.

Нина Федотова ждала его на парковке супермаркета. Она быстро юркнула в машину Николая, когда он притормозил, и чмокнула его в щеку.

– Все, освободился?

– Ради тебя, – положил ей руку на обнаженное колено Николай и чуть приподнял край юбки, – я все дела бросил.

– Ой! – рассмеялась девушка. – Прямо ради меня? Скажи,

что Андрей тебя, наконец, отпустил.

– Твой жених, Нинуля, – тоже со смехом ответил Бурмистров, – в мою личную жизнь не вмешивается!

– Только не называй меня так, – поморщилась девушка, убирая руку Николая со своего колена. – Хватит того, что я эти сопли от Андрея слышу.

Они подъехали к дому Бурмистрова, заскочив по пути в магазин за пивом, чипсами и солеными орешками. Никакой больной матери у Николая, разумеется, не было. Собственно, она у него была, но жила с бабушкой в Верхней Пышме. И как раз болела у них бабушка, поэтому мать Николая и жила с ней.

Второй год квартира была в полном его распоряжении. Они с Ниной ввалились в прихожую с шумом, звеня бутылками с чешским пивом. Подтащив к дивану журнальный столик, расставили пиво, закуску. Бурмистров вставил в видеоплеер купленный вчера новый диск с порнухой.

Холодное, но не ледяное пиво шло хорошо. Незамысловатый сюжет с откровенными сценами на экране и задранные на столик голые стройные ноги девушки сделали свое дело. Разговор о женихе Нины – Андрее Краюхине – тоже способствовал возбуждению. Николаю нравилось встречаться с ним на работе и сознавать, что не сегодня завтра невеста его шефа вот так же задерет на столик соблазнительные ноги и будет потягивать пиво. И он положит руку на ее бедро...

Рука легла на гладкое бедро. Нина никак не отреагирова-

ла, поглядывая на экран. В высоком стакане еще оставалось много пива, а она его очень любила. Николай хорошо изучил свою партнершу и не торопился. Он поглаживал ногу, поднимаясь постепенно все выше и выше, пока его пальцы не коснулись края девичьих трусиков, и так же неторопливо и нежно двинулись назад.

Пиво в бокале у Нины заканчивалось, и рука Николая поднялась, обняв девушку за плечи. Нина чуть сползла на диване, прижавшись головой к его плечу. Его пальцы ласкали ее шею, плечи, нашли глубокий вырез футболки. Кожа у девушки была на редкость гладкая, с какой-то бархатинкой. Николай поставил свой пустой стакан на столик и снова откинулся на спинку дивана. Теперь его рука спустилась ниже и ласкала девичью грудь через ткань футболки.

Вот и Нина допила остатки пива, выпрямилась, поставила стакан на столик. Вот он, тот самый момент, момент торжества превосходства над надменным шефом, торжества власти над чужим, которое кто-то считает только своим. Николай притянул Нину к себе, прижал ее спину к своей груди и прикоснулся губами к ее шее, к тонким завиткам волос. Девушка запрокинула голову и стала дышать тяжелее. Его руки скользнули по ее телу, нашли грудь. Нина с шумом выдохнула и выгнулась в руках мужчины дугой. А он уже страстно и грубо хватал губами ее шею, мял грудь, задирает футболку. Так же грубо его рука задрала край юбки, пытаясь пальцами проникнуть под резинку кружевных трусиков. Чужая

женщина... Чужая, потому что ей от другого мужчины нужны только деньги, только обеспеченная жизнь. А все остальное она имеет здесь, вот на этом диване. Иногда в спальне на кровати или в душе...

Владимир Евгеньевич Мальцев, генеральный директор «Дирекции спортивных сооружений», вынужден был мириться с тем, что его служебной машиной была всего лишь «Волга». Он понимал, что все придет со временем, просто надо много работать и свернуть огромную «гору». Еще шесть месяцев назад он был самым обычным директором самого обычного спорткомплекса. Вообще-то, не самым обычным. Директором объекта, а затем и генеральным директором он стал благодаря тому, что у него в правительстве был старый товарищ, который и тащил его вверх. Перспективой была госслужба, а высоты зависели от положения самого старого товарища. Можно было подняться очень высоко, но для этого себя надо было все-таки проявить, а не просто надеяться на протекцию.

И Мальцев проявлял. Он крутился и вертелся, в результате добившись того, что его плохонький и давно не видевший ремонта спорткомплекс стал давать неплохие для его размеров и технического состояния деньги. Вытерпел два года на низовой неблагодарной работе, зато теперь был вознагражден. Полгода назад сильно пьющий генеральный директор докатился до того, что послал прилюдно заместите-

ля министра на три буквы. Разумеется, в состоянии сильно-го опьянения, но это его не спасло. Генерального поперли с работы и на его место подтянули Мальцева.

Сейчас он ехал на самый отдаленный спорткомплекс «Лесной» и думал о том, что все так или иначе возвращается. Хорошая работа возвращается к тебе благодарностью судьбы, подлые и гнусные дела, вкупе с расхлябанностью и ленью, возвращаются неурядицами, бедами и неприятностями. Надо работать, тогда будет и служебная иномарка, и должность, и... все остальное. Работать, дружить с теми, от кого твоя работа зависит, с теми, кто тебя должен запомнить, кто тебе может понадобиться в будущем.

Собственно, на «Лесной» он ехал не просто так, а для того, чтобы еще раз посмотреть на месте объект. У него был почти готов проект использования базы «Лесного» для проведения в будущем году областной спартакиады школьников и студентов области по легкой атлетике. Мероприятие для кого-то «наверху» было очень важным, а значит, под проект могут выделить приличные деньги. «Лесной» был самым слабым местом в хозяйстве Мальцева, он требовал срочного капитального ремонта.

Высокий ржавый забор мелькнул за деревьями и вдруг открылся на повороте во всем своем ужасном великолепии. Опять металлическая калитка висела на одной петле, опять по нестриженому газону бродила приبلудная коза кого-то из поселковых.

Толстенький директор с отвисшим животиком, на котором все время расстегивалась пуговица рубашки, скатился по лестнице входа и кинулся к машине генерального директора. Чего-чего, а это у него поставлено отлично – загодя увидеть начальство или проверяющих из любых служб.

– Василий Михайлович, – усталым голосом сказал Мальцев, – сколько раз говорить вам о таких вот вещах? Есть же у вас сварка! Ну, прихватите вы петлю на калитке! Ждете, когда ее совсем оторвут?

– Так и отрывают! – как-то уж слишком радостно заявил директор. – Вчера только приваривали, а утром снова оторвали. Как специально делают!

Мальцев покосился на ржавую петлю, которая явно с прошлого года не видела сварки. Спорить бесполезно, тут надо приказывать, требовать исполнения и наказывать. Не тот случай, где можно просто пожурить, и человек поймет.

– Пойдемте, пройдемся по территории, – предложил он и пошел в сторону футбольного поля. – Козу для разнообразия выгонять не пробовали? Я ее уже третий раз вижу. Как вы сами-то думаете, когда министр увидит, что скажет по этому поводу?

– Прогоним, сегодня же прогоним, – заверил Василий Михайлович, прижимая к потной рубашке веснушчатые руки.

– Еще раз увижу козу, можете писать заявление! – резко бросил через плечо Мальцев. – Надоел мне ваш бардак, дальше некуда! Что с асфальтированной площадкой? При-

думали, как ее использовать?

– Да... ну, как... – запыхтел за спиной директор спорт-комплекса. – Можно, если краски дадите, разлиновать ее и использовать под катание ребятни на этих, как их, на досках с роликами.

– Если бы ребятня хотела, она бы давно уже пришла сюда кататься на досках, на роликах, на санках, – проворчал Мальцев. – Я вам велел продумать вопрос коммерческого использования площадки. Она сколько площади у вас занимает? Помнится, две тысячи восемьсот квадратных метров? У вас в округе четыре автошколы, я сейчас ехал и встретил штук десять учебных машин. Свяжитесь с руководителями, предложите, наконец, им свою площадку. Пусть учат своих курсантов маневрам. Как там у них называется: змейки, въезд задом в гараж, парковка? Хоть на какие-то деньги договоритесь!

– Свяжусь, – так же убежденно заверил директор, – сегодня же свяжусь.

– Сегодня уже пятый час вечера, – напомнил Мальцев. – Хрен вы с кем сегодня свяжитесь. Завтра к вечеру жду от вас звонка и подробного доклада: с кем и о чем вы договорились, какая работа вами проделана по площадке. Это что?

Мальцев, пораженный до глубины души, замер на месте. На беговой дорожке, окаймлявшей запущенное футбольное поле, стояла красная «девятка». Были хорошо видны черные следы от резкого торможения или трогания с места с пробук-

совкой. Трое голых по пояс парней курили возле машины, смачно сплевывая на асфальт.

В свою приемную Мальцев вошел хмурый и недовольный, а тут еще изжога замучила. С какого перепугу? Понагибался на спорткомплексе, что ли, когда в колодцы заглядывали? Катька Белова – типичная блондинка и типичная бестолковая секретарша, которая досталась ему в наследство от предшественника, – испуганно вскочила с места. Значит, опять журналы свои разглядывала. Выгнать бы эту дуру, так нет же, нельзя. Папа у нее...

– Срочно найди мне главного инженера, – приказал Мальцев, – и скажи остальным, что планерка через десять минут. Что стоишь! Ускова ко мне срочно! И воды холодной принеси... изжога замучила...

«От тебя изжога замучила, – мрачно подумал Мальцев, – от всех вас». Он прошел к себе в кабинет, плюхнулся в большое офисное кресло и с неудовольствием вспомнил, что вот так падать в него уже нельзя. Нельзя падать в собственное кресло, потому что оно уже старое, нельзя выгнать половину работников, потому что у них связи и за них просили. Те, кто в свое время за них просили, о своей просьбе благополучно уже забыли. И просили-то, скорее всего, чтобы отвяжаться от кого-то из старых и не очень нужных знакомых. А вот выгони сейчас кого-нибудь, сразу вспомнится просьба, и сразу начнутся мысли, что новый генеральный директор ко-

го-то наверху ни в грош не ставит, на конфронтацию идет. Вот они – неудобства положения. Причем чем оно выше, тем больше эти неудобства. Правда, чем выше, тем они больше компенсируются материально, но до такого уровня еще надо дорасти.

Главный инженер Усков ввалился всей своей громоздкой фигурой. Бывший подполковник хозяйственного управления из системы исполнения наказаний за последние пару-тройку лет весьма раздобрел. Инженер он был хороший, толковый, но и прохиндей еще тот. Хорошую школу прошел там у себя, в системе управления колониями.

– Так... Захарыч! – Мальцев поперхнулся на мгновение, собираясь с мыслями. Что-то настроение совсем опустилось, да так, что он потерял самообладание.

– Предложение по «Лесному»? – догадался Усков, усаживаясь в кресло перед столом начальника. – Подготовили, можно отвозить в министерство. Сумму я не стал минимизировать, а то ее и так сократят. В смете стоит реальная цифра, и если ее уменьшат процентов на двадцать, то это не страшно. Выкрутимся.

– Ты туда нормальное ограждение забил, или так – декоративное? – наконец стал настраиваться на деловой лад Мальцев.

– Конечно, нормальное! Надо доступ посторонних на территорию ограничить, а то там сейчас проходной двор, скоро коров местные будут на футбольное поле гонять.

– Там уже не только коровы... Ты вот что... Подготовь мне служебную записку на директора «Лесного». Что он такой-сякой, что не справляется, что регулярные нарушения. Я твою «служебку» и от спортсменов подложу и приказом его, к чертовой матери, вышибу!

– Может, не спешить? Какими-нибудь другими методами воздействовать? У него приятелей в спортивных обществах, как грязи. На следующий же день к министру побегут. Жаловаться начнут, что заслуженного тренера выгоняют, со света сживают, что место для своих ставленников готовят. А министр скажет, что мы сами не работаем, плодим тунеядцев, работать не можем заставить, контроля нет. Министр ведь с ними тоже ссориться не будет. Они – общественное мнение, они – спортивные массы, у них государственные награды и регалии. В случае чего, и в Москву чиркануть могут. Политика!

– Черт бы побрал эту политику! Ладно, подумать надо. Что у нас с актами выполненных работ по асфальтированию?

Усков ухмыльнулся и стал открывать папку. Мальцев терпеть не мог этой улыбочки, была она двусмысленная, гаденькая. Может, он просто так это чувствовал, но Усков пытался всем своим видом показать, что занимается махинациями, а его генеральный директор себе в карман кладет откаты. Откаты были, но шли они совершенно в другой карман. Наверху сквозь пальцы смотрели, когда Мальцев себе, Ускову, сметчице и главбуху рисовал высокие премии. Это практи-

чески все, что они могли иметь с этих самых пресловутых откатов.

Пашка понимал, что попадаться старому приятелю на глаза утром перед работой смысла нет. Мальцев наверняка будет спешить, и голова у него будет забита производственными вопросами. Он решил устроить «случайную» встречу вечером, когда Мальцев выйдет из своего офиса. Можно бы и около дома его подкараулить, но где старый приятель теперь жил, Пашка не имел представления.

Топтаться пришлось долго. Он ходил взад и вперед вдоль фасада особняка, в котором размещалась «Дирекция», курил, присаживался на низкий металлический заборчик. Главное – сделать так, чтобы встреча в самом деле выглядела случайной. От своего хорошо подготовленного обмана у Пашки на душе было не очень хорошо. Он вообще терпеть не мог обманывать, но в этой ситуации у него не было иного выхода.

Пашка не первый день жил на свете, приходилось общаться с различными начальниками, и он прекрасно понимал, что заявляться к Мальцеву на работу бесполезно. Унизительная ситуация будет тянуться для него неделями. То генеральный директор занят, то уехал, то не приехал. Позвонить? Так не соединят же. Обязательно услышишь в ответ, что сейчас шеф занят, перезвоните через час, потом ближе к вечеру, потом на следующий день. Потом ты своими звонка-

ми «достанешь» Мальцева, и он согласится тебя принять, но будет твоей настырностью раздражен, и результат получится соответствующим.

Пашка поймал себя на мысли, что мысленно уже нарисовал себе образ старого приятеля, который на этой службе сильно изменился, стал зазнаваться. А может, он все тот же Володька Мальцев? Может... Не может, исключено. И думать об этом просто глупо. Сиди вот и жди. А потом делай соответствующее лицо, изображай радость, неведение. И, как бы к случаю, попросись на работу.

Снова из Пашкиной груди вырвался вздох. Вот ведь натура какая! Хочется выглядеть в глазах старого знакомого солидно, показать, что и мы не лыком шиты. Что не заработки интересуют, а причастность к какому-то важному делу. Чушь! Как ни криви лицо, а шабашником от тебя за версту несет. Эх...

Мальцев вышел уже почти в восемь вечера. Пашка чуть не проворонил его, но спасло ситуацию то, что Мальцев разговаривал по мобильнику и не сразу сел в свою служебную машину. Пашка быстрым шагом пошел на сближение, мысленно умоляя Мальцева еще немного поговорить по телефону, еще немного потоптаться на месте, и, поравнявшись с ним, расплылся в приветливой улыбке:

– Здорово, Володя!

Тот повернулся на голос, скособочившись, плечами прижимая телефон к уху. Большой радости в глазах старого при-

ятеля не промелькнуло. Там вообще ничего не промелькнуло, потому что взор Мальцева был направлен куда-то внутрь себя. И даже не в себя, а внутрь телефона. Пришлось Пашке унижительно остановиться и подождать. Он больше всего боялся, что Мальцев сейчас посмотрит на него и отрицательно покачает головой, ткнув пальцем в часы на руке. Это будет означать, что номер не прошел и впредь не пройдет. Второй раз «случайно» попадаться на глаза? Нет уж, хватит!

– Здорово, – наконец закончив телефонный разговор, произнес Мальцев, даже не улыбнувшись. – Тысячу лет тебя не видел. Как поживаешь?

– Нормально, как все, – пожал плечами Пашка. Слишком рано прозвучал в его адрес этот вопрос. Сразу говорить о проблемах и обращаться с просьбой не хотелось. – Горбачусь частным образом строительством, ремонтами всякими. А ты, – он кивнул на здание, – теперь тут возглавляешь?

– А, не говори, – махнул Мальцев рукой с таким видом, будто ему показали на стены тюрьмы, из которой он только что вышел. – Тоже горбачусь! Ну, давай! Рад был тебя увидеть.

– Слушай, Володь, – с виноватым видом начал Пашка, – а тебе ненароком толковые, честные и исполнительные помощники не нужны? Честно говоря, надоело шабашничать.

– Ты что, в это дерьмо хочешь залезть? – с усмешкой спросил Мальцев и посмотрел на часы. – Оно тебе нужно? Живешь спокойной жизнью, сам себе хозяин!

– Просто нормальной работы хочется, – пожал плечами Пашка. – Думал, по старой дружбе...

– Давай я тебя по старой дружбе в другое место сосватаю, а? Ей-богу, не стоит тебе сюда лезть. Меня вот как задушили просьбами сверху по поводу друзей родственников. Всех надо устроить, всех надо обогреть. А я что, солнышко?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.